

18+

Владимир БЕРЯЗЕВ

МОГОТА

роман в стихах

Владимир Берязев

Могота. Роман в стихах

«Издательские решения»

Берязев В.

Могота. Роман в стихах / В. Берязев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853185-9

Уникальный для современной поэзии труд, роман в стихах «Могота» Владимира Берязева, известного русского поэта конца XX и начала XXI века, лауреата множества премий, живущего в Новосибирске. Сочинение создано в период с 1996 по 2003 г.г. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-853185-9

© Берязев В.
© Издательские решения

Содержание

Хождение в обитель отца Иоанна	6
Могота	16
Часть первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Могота

Роман в стихах

Владимир Берязев

Автор портрета на обложке Сергей Меньшиков

© Владимир Берязев, 2021

ISBN 978-5-4485-3185-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хождение в обитель отца Иоанна

Пространство тайги открывается со стометровой кручи левого берега обского во всём величии и необозримости. Вспоминается пустыня Белозерья, великая Пермь-Биармия, чудские, остяцко-самоедские неизвестные земли Севера, холодные реки, текущие в сторону ледовитого моря, а на фоне сурового мира сего вспоминается Кирилл Белозерский во главе целого духовного воинства русских святых, и далее явственно – затерянные в глухомани среди языческих стойбищ монастырские кельи, нетленные мощи монахов в дуплах исполинских сосен и кедров, сотни скитов по всему лицу полуночных стран, и молитвы, молитвы, молитвы, порождающие над обителями отшельников световые столпы, в сиянии и крепости своей подпирющие свод небесный.

* * *

Могоча. По-татарски – болото, яма, гиблое место.
Русский же человек эхом слышит здесь могучее и дикое начало.
Работа-а... забота-а... свобода-а... могота-а...

* * *

«Кирилл, выйди отсюда и иди в Белоозеро. Там я уготовала тебе место, где можешь спастись». Услышал будущий святой ночью, при чтении акафиста голос иконы Богородицы. Открыв окно, он вдруг узрел огненный столп на севере, куда призывала его Пресвятая Дева. Вдвоём с единомысленным братом, иноком Ферапонтом, преподобный из Симонова монастыря двинулся на север, в заволжскую страну, где, наконец, обрёл среди дремучих лесов дивной красоты озеро – то самое «зело красное место», которое указала ему Мать Божия.

* * *

Это было в самом конце древне-русского мира, на закате XIV века, спустя несколько лет после победы на поле Куликовом.

Это было там – на безлюдных таёжных равнинах, которые покорились лишь подвижникам и молитвенникам и отныне стали называться Русским Севером. Более сотни святых, учеников и наследников великого печельника земли русской преподобного Сергия Радонежского на окраинах Руси своим служением утвердили дух братства и любви, ставший основой нового государства.

Казалось, дух этот навеки канул в чёрные воды революционного Стикса, в бездну гиперборейских каторжных тундр, в могочу... И трясина сомкнулась даже над памятью о подвигах предков.

Казалось бы...

* * *

Чья воля, какая неведомая сила отрывает нас от повседневной суеты псевдостоличного Новосибирска? И вот мы с художником Сергеем Меньшиковым оказываемся на пятьсот километров севернее – на обском крутояре перед Могочиной.

Автомобиль, принёсший нас сюда, умолк.

Скоро подойдёт паром.
Пасмурно.

*

В двенадцати верстах ниже по течению Обь принимает в себя ещё одну великую сибирскую реку – Чулым. Почти от самого Абакана, с ледников южного Саяна берёт своё начало Чулым, пересекает всю Хакасию, огибает Кузнецкий алатау, сворачивает на восток от оранжевых пирамид отработанных шлаков Ачинской ГРЭС и долго-долго петляет по тайге и болотам Томского севера, прежде чем соединиться с материнским потоком всего Зауралья – владычицей Обью.

Рыбье царство.

На удочку в нижнем течении Чулыма рыбачат только старухи да дети.

Мужики из редких прибрежных деревень, когда выдаётся свободное время, заготавливают бочками стерлядь да кострюков, с усмешкой глядя как залётные горожане дрожат от азарта, таская из реки всякий прочий рыбий мусор.

За Могочино – тайга до самого Ледовитого моря.

Обь чем дальше, тем больше забирает влево, к западу, если плыть вниз, через двести вёрст будет Колпашево, столица сталинских лагерей с безвестной могилой Николая Клюева и мрачным Колпашевским яром, из которого в конце семидесятых река вымыла известковые мумии двух тысяч казнённых.

Рухнул берег. Замутились воды.
Накренилась на яру сосна.
Из могилы вышли на свободу
Преданные богом племена.
Тени ледникового распада,
Крестonosцы классовой борьбы
Потекли из глины, тлена, ада...
Немо и далёко вдоль Оби
Плыли трупы.
Прошлое поплыло
Кадрами загробных кинолент.
Милые, да здесь же не могила,
Здесь кошмара гиблый континент!
Тени страха вышли на свободу,
Всплыли, переполнили собой,
Возмутили память, и народу
Стыдно в тесноте береговой.
Что там грозно погребенье роет?
Что стремиться хлынуть напрямик?!
Волны века вымыли такое,
Что кренится русский материк.

Старые стихи времён распада империи. Они оживают на этом берегу, наполняясь головами тех, кто принял здесь мученическую судьбу.

*

В четырёх часах ходу на «Ракете» от Могочино вверх по Чулыму есть местечко, протока, которая с тридцатых годов носит название Колоберга.

Местные жители рассказывают, что место это испокон века было нежилое, дикое, никак не приспособленное для хозяйствования, это в лучшем случае – охотничьи уголья и то не во всякий год здесь можно добывать зверя.

Как-то в один из годов, в эпоху торжества колхозного строя, на берег безымянной тогда протоки вышел местный охотник, зная обычное безлюдье этого медвежьего угла, он нимало удивился, столкнувшись на берегу с диковинным существом – приземистым мужичком в рямках, в непонятной шапке, в нездешних чунях на босу ногу, грязным, заморенным и, к тому же, говорящем на каком-то странном диалекте.

– Ты откуда взялся здесь, братец? – поинтересовался изумлённый чалдон.

Мужичок что-то долго лопотал, прицокивая и шепелявя, охотник понял одно, что народу здесь много, что все они из Белоруссии, а последняя фраза бульбаша запомнилась и разошлась по окрестностям:

– Мы тут, коло берга...

*

Оказывается уже осенью, под конец навигации с баржи сгрузили на берег протоки две деревни несчастных белорусских крестьян, выселенных из своих родных хатёнок за какие-то антипролетарские грехи. Баржа ушла. А несколько сот человек с детьми, со скарбом, с полудохлой животиной осталась посреди тайги, лоя белыми от ужаса глазами, пух первых октябрьских снежинок.

Социалистические переселенцы успели зарыться в землянки.

Половина, а то и более из них, в зиму померли.

Оставшиеся выжили, выстроили дома, развели скот, очистили деляны под огороды, словом, создали крепкое поселение Колобергу, которое со временем даже стало считаться зажиточным.

Сейчас здесь вновь пусто.

Только заброшенные кладбища с бронзовыми складничками икон на подгнивших крестах.

Только кое-где сохранившиеся забитые крест-накрест дома.

Только непроходимые заросли калины, смородины и черёмухи на месте бывших огородов.

Кто в городе. Кто вернулся на родные Беловежские равнины. Кто перевёз срубы в Молчаново или Колпашево.

Здесь останавливаются лишь редкие рыбаки потаскать стерлядь.

Но шумит ветер в вершинах сосен. Клонится тальник, распуская вдоль протоки свои плети.

– Мы тут, коло берга...

– Мы тут, коло берга...

* * *

Монастырь – духовная крепость.

Но, помимо всего, это ещё и крепость реальная.
Каменная, деревянная, подземная или пещерная.

Когда рассказывают о монастырях, часто упоминают о чудесах, свидетелями или участниками которых становятся сами иноки, послушники или паломники.

Чудеса чудесами, и, как говорила мне матушка Людмила, они происходят здесь, в Могочино, каждый день, но заметны не всякому, так мирроточение икон во множестве наших храмов фиксирует неодушевлённая видеоплёнка, но известно, что некоторым из человеческих существ не дано этого увидеть, даже когда они находятся в непосредственной близости от явленного чуда, даже когда все окружающие в голос утверждают обратное. Видимо, есть особо недостойные, не обладающие даже слабым духовным зрением.

Мне не довелось пока увидеть мирроточение воочию.

Но самым чудесным для меня – светского грешного человека – было наблюдать то, каким невероятным, умонепостижимым образом на пустом месте, в обход всяких законов экономики, физики, строительной технологии, в обход чиновничьих установлений за неполных пять лет в центре села Могочино выросла та самая – реальная, каменная (точнее, шлаколитая) крепость монастырская. С кельями, с трапезной, со складами и с гаражами для автомобилей (которые тоже откуда-то взялись), наконец, с просторным кирпичным храмом, посвящённым хранителю монастыря святому чудотворцу Николаю Мирликийскому...

Как это возможно, при отсутствии всего, что только может отсутствовать для начала и непрерывного осуществления столь грандиозного строительства? Я этого постичь не могу, не дерзаю и объясняю только одним – чудо.

* * *

На дощатых, кое-как слепленных из подручного горбыля воротах монастырских прорезана щель, над ней кривая надпись «Для почты». Пообок, на шершавой и грубой, словно вла-
сница подвижника, крепостной стене, и почтовый адрес – Советская, 15.

* * *

Свято-Никольский храм во дворе выложен безо всяких чертежей и проектов, без участия какого бы то ни было самого захудалого архитектора, я думаю и профессиональных строителей при его возведении участвовало полтора человека. Его своды и купола выведены на глазок, по примерноному замыслу отца Иоанна, в той мере, в какой он смог донести его до своих сподвижников, бескорыстных работников и послушников, неисповедимыми путями пришедших сюда со всех концов России, а то и из более далёких уголков. В линиях и очертаниях храма присутствует некая наивная и детская кривизна, в силу чего, весь облик его вызывает ощущение зыбкости, бестелесности, кажется, будто всё строение перенесено сюда с одной из страниц древнерусской летописи. Меня с самого раннего возраста завораживало то, как изображались церкви на картинках в древних книгах. Я долго-долго разглядывал эти иллюстрации, не понимая – почему все эти храмы вместе с крепостями и другими строениями всё время кренятся, падают, рушатся, и в то же время нет ни одного изображения разрушенного храма...

В Могочине мне как бы открылось, что в неправильности геометрии и пренебрежении законами физики есть смысл, есть свои резоны. Цель простая – разом поставить под сомнение твою уверенность в себе, твоё рассудочное восприятие, твой рационализм и мирское знание. Через Никольский храм я вдруг увидел, как эта глубинная идея древних художников словно материализуется, находит для себя реальное воплощение в строительных формах. Храм и внутри и снаружи как бы слегка плывёт, приводя сознание в некое расторможенное состояние, возникает ощущение почти прозрачности этого мира... и в то же время перед нами насто-

ящий храм, наполненный жизнью, старыми и новыми иконами, наполовину расписанный новосибирским художником Василием Дворцовым, здесь дённо и ночью служат службу, крестят, отпевают, венчают, ведут отделочные работы, тянут отопление, трудятся в трапезной и во всякий момент молятся, молятся вполне земные обыкновенные люди.

Необыкновенны они лишь своей верностью.

Всею душой, всем сердцем и, превыше того, всеми делами, всю жизнь своей они обращены к Богу, верны и преданы своему монастырю, своему настоятелю, своему храму.

*

– Веруешь? – Вопросает приземистый, востроглазый, похожий на председателя колхоза образца шестидесятых годов отец Иоанн.

– Веруешь? – И вновь глядит на прибывших из под козырька старенькой болоньевой кепки. Так и стреляет своим строгим знающим взглядом.

– А коли веруешь, поедешь на выселки, отсюда двадцать пять верст, мы там мужской монастырь строим. Место красивое, но совсем дикое, комарьё и пауты попробуют твою веру на прочность, там у нас огородов поболее двадцати гектаров – свекла, морковь, капуста, огурцы, картошки много посажено. Две недельки на прополке потрудишься, такое будет послушание, а потом, если до того времени не сбежишь, снова свидимся. Ещё раз поспрошаю, что да как. Если вера твоя не пошатнётся, останешься при монастыре, место определим по тому, какими дарованиями владеешь...

Через недельку другую новый послушник или послушница появляются на монастырском дворе чёрные, высушенные солнцем, с задубевшей от тысяч укусов кожей, но радостные и воодушевленные своим маленьким подвигом. И то сказать, для многих паломников это и есть настоящий подвиг, поскольку вся их прежняя жизнь была в ином измерении, строилась по иным законам, преследовала иные цели – благополучия, успеха, соперничества и власти одного над другим.

Всему этому надо научиться противостоять.

Способ один – братская любовь и верное служение.

* * *

Кольцо крепостных стен еще не замкнулось.

Работа идёт без остановок вот уже пять лет к ряду. Во внутреннем дворе высится целый террикон песка, шлака и галечника. За храмом – целый участок, где пятиметровыми штабелями соскладирован лес самой различной обработки от кругляка до половой рейки и профилей, здесь же – трубы, арматура, рубероид, кирпич...

– Не ворует местная алкашня?

– Первые год-два случалось, здорово подворовывали. Сейчас и на работу никого со стороны не нанимаем, и в самом Могочино отношение к монастырю сильно изменилось. Равнодушия и непонимания много, но уважать стали.

*

Духовно монастырь тоже ещё только формируется, ещё только намечаются его будущие окончательные формы, ещё не утвердилась во всей строгости традиция смиренного послушания и молитвенного делания. «Вы не послушники, вы – ослушники», – не устаёт повторять отец Иоанн десяткам и десяткам своих братьев во Христе. На самом деле, на момент нашего

посещения, монахов, принявших постриг, в Могочине было только пятеро вместе с настоятелем, монахинь, правда, больше – одиннадцать. Но зато послушников, желающих пойти путём спасения и любви не только для своей бессмертной души, но чтобы молитвенным трудом просить о спасении всех православных, их число здесь доходило нередко до трёх сотен человек. Не все проходят испытание монастырским общежительным трудом. Некоторым послушникам монахи отказывают в длительном пребывании в общине. Это происходит тогда, когда не все мирские обязательства и долги перед детьми и близкими выполнены в должной мере. Или когда натура послушника по своему внутреннему строю не создана для монашеского служения. Или по причине неоднократного нарушения монастырского устава.

Талант монаха, молитвенника – столь же уникален и редок, как и всякий другой подлинный талант.

*

... В храме идёт служба.

Время от времени сквозь редкий строй поселковых прихожан протискивается кто-нибудь из рабочих в рыжей спецовке, уляпанной раствором, подходит к иконе Спаса, потом к Николе и к Матери Божьей, читает короткую молитву, кланяется на все четыре стороны, снова читает молитву и сосредоточенно уходит на стройплощадку. Такое ощущение, что они, один за другим возникающие посередь храма бородатые мужики в строительных робах, являются прямо с передовой, с линии фронта, просят у святых, у Матери Божьей, у Господа благословения и сил и вновь кидаются к прорану, мешать раствор, возводить опалубку, чтобы вовремя замкнуть крепостное кольцо духа.

Из башен и стен Могочинской обители торчат куски опалубки, плахи, брёвна; своими тяжёлыми архаичными очертаниями сооружение напоминает спешно спускаемый со стапелей Ковчег. Оно так и есть, поскольку весть о Потопе уже дошла до сердец немногих избранных...

В любое время года: и в дождь, и в снежную бурю, и в ясный полдень к скрипучим дощатым воротам на Советской, 15 то и дело подходят люди. Чаще всего их отличает печать безмерного страдания на лице: обманутые жёны, одураченные мужья, вдовы, супруги горчайших пьяниц, убийцы и преступники, «афганцы» и «чеченцы», существа, истерзанные вечной нищетой и безысходностью, перенёсшие духовный крах, смертельные трагедии, самые мерзейшие и низжайшие душевные падения, достигнутые страшными болезнями – всех здесь принимают, на всех достаёт внимания, сострадания, помощи, места, куска хлеба, в конце концов.

Встретить среди послушников можно и впрямь кого угодно. И бывшего актёра, и престарелых комсомольских работниц, наконец-то узнавших, где подлинное Царствие Божье, и научных сотрудников всех сибирских академий, и даже полуразрушенных ложью и нуждой журналистов...

Всем хочется мира и утешения.

Всем уже не по силам мирская вражда.

*

Меня воистину поразило (если не сказать – потрясло) обилие в стенах монастыря убогих, калечных, даунов, олигофренов, говорят, часто прибредают кликуши, особенно во время праздничных служб, зальётся, заблажит, начнёт выкрикивать что-то неестественным пронзительным голосом, и пока священник над ней молитву не прочитает, пока святой водой не окропит, она не успокоится, а как успокоится, так вся будто обмирает, тут её из храма под руки и выводят.

Есть в монастыре один несчастный молодой человек, которого иначе как бесноватым назвать нельзя, это не эпилепсия, это странное заболевание с бурными состояниями припадков, наблюдать которые тяжело даже твёрдым духом и подготовленным к такому зрелищу. Бесноватый живёт прямо в храме, говорят, что ему здесь легче, его поят, кормят, за ним ходят две послушницы. Во время нашего пребывания в обители он лежал за церковной печью, полуголый, с пеной на губах, привязанный ременными вожжами к панцирной сетке общежитской железной кровати.

* * *

Анатолий и Вадим – послушники, прожившие в монастыре уже более двух лет.

Анатолий, с неизменным румянцем, крепкий, сильный, мастеровой, всё время улыбается и всё время сетует, что по грехам его ещё лет десять не сможет принять постриг, а то и до самой смерти, ведь ему уже к пятидесяти.

Вадим, двадцатипятилетний юноша, ещё три года назад учившийся в Новосибирском университете, высокий, белолицый, застенчивый, но очень тонко и точно мыслящий. Его чистота душевная не вызвала и доли сомнений в скорейшем иноческом его продвижении.

Два таких разных, они крепко сдружились и о чём бы не говорили, неизменно разговор возвращался к делам отца Иоанна, к его трудам по строительству монастырскому, к его суровой требовательности, к его предсказаниям и правдивым поступкам.

От них я узнал, что отцу Иоанну трижды было видение Матери Божьей. О том, кто тому был свидетелем, и кто им об этом поведал, я расспрашивать не стал. Но, по словам будущих иноков, Царица Небесная сама указала отцу Иоанну место, где следует основать монастырь, потому как на месте этом почивает благодать Божия, и в годы тьмы и безумия оно станет оплотом спасения душ православных.

Ещё я узнал, что в Сибири будет два монастыря весьма славных своими духовными подвигами – Могочинский и Черепановский (последнего пока нет даже в замыслах). В других местах сибирской земли монастырям не существовать: для жизни духа, для иноческого делания уготованы только эти две обители.

Ещё я узнал, что ничего хорошего нашу страну в ближайшем будущем не ожидает. Ещё я узнал о грядущих катастрофах в мировых столицах и великих катаклизмах на земле и в небесах... Но стоп!

Столь много природной красоты было вокруг, так тихо и благодатно текла река посреди девственного леса, что, ей-богу, не стоит пересказывать мрачные пророчества, тем более, что они каждый день перестают быть пророчествами, оборачиваясь действительностью.

Цивилизация вот-вот сорвётся с катушек.

Сводки новостей кошмарней любого «жутика».

Но Могочино все эти бури не затронут.

Могочино – всё переможет.

* * *

Странно.

Кто бы ещё десяток лет назад мог помыслить о такой духовной крепости в глухом, невежественном, бандитском, браконьерском углу Сибири.

Речники, лесозаготовители, геологи, зэки и совсем немного крестьянствующего народа. В Могочино ни церкви, ни священников сроду не было.

Думаю, семя Слова Божия здесь посеять куда труднее, чем пятьсот лет назад было сделать это на Белоозере, среди Чуди и Мери языческой.

*

– Мы разлили по последней рюмке перед отплытием домой.

Все вещи уже сгрузили в лодку.

Осталось только чокнуться и проститься с Чулымом, с Колобергой, с этой песчаной косой, с таёжными дебрями безымянного острова, с великим пустынным одиночеством на берегу великой пустынной реки.

Выпить нам не дал свистящий, шипящий звук внезапно вскипевшей, вспенившейся воды: «У-п-п-ф-ф-у-х-х-ш-ш!!»

Как в акваирке, из реки, демонстрируя свою красоту и мощь, взмыл в воздух саблехвостый, закованный в панцирь осётр.

Взмыл и ухнул, словно гаубичный снаряд.

Берёзовый кол с привязанным к нему капроновым шнуром закидушки – загудел, заныл от напряжения.

Последнюю снасть мы хотели снять перед отплытием, когда осталось бы лишь завести мотор. Но река тоже решила попрощаться.

– Попался! Ишь как от боли взмыл! Только бы вытащить...

Осетр оказался килограммов на сорок. Вытащить сумели уже на закате, и потом, пытаясь отдышаться, долго и удивлённо смотрели, как он вьётся на песке, лишённый привычной опоры и свободы.

Вырыли в песке яму глубже, чем по колено, бросили в неё добычу и быстро закидали песком да ещё с горкой. До утра. Но только сделали несколько шагов к лодке, чтобы вновь раскинуть палатку и приготовить ужин, как за спиной услышали шлёпающие звуки, осётр прыгал в сторону родной стихии.

Пришлось захоронить его на глубину в метр с гаком, и то утром из песка торчал конец хвоста...

Это рассказ моего товарища о последнем посещении пустынных мест в устье Чулыма в первой половине 80-х годов. С тех пор окрестности Могочино стали лишь ещё суровой и безлюдней. Человек уходит из тайги, река пустеет, так как нечего и некого по ней возить, и лишь мощь царь-рыбы растёт, лишь материнский дух природы становится всё более враждебен и нетерпим по отношению к человеку.

Тайга прощает и признает за родню только чистую душу.

Может быть, появление монастыря здесь – это знак нового века, это преддверие иного духовного опыта, который заключается в мирном сожитии человека и Природы?

Неужели и здесь когда-нибудь, как в своё время на Соловках и на Валааме, будет всё цвести и благоухать, будет сад с чудесными аллеями из лип, кипарисов и виноградной лозы?

Неужели надежда на благополучный исход не умерла окончательно и весы в руках Всевышнего ещё колеблются?

* * *

Вместе с могочинским старожилом Василием Дворцовым мы убедили моего спутника Сергея креститься. Сергей дважды пытался отказаться, но, наконец, согласился с тем, что, кроме надежды на спасение, ничем более страшным ему этот обряд не грозит.

Сергей – по-настоящему талантливый человек, не просто душа, а большая душа, которая, с моей точки зрения, весит немало и на небесных и на демонических весах.

Новокрещаемый встал перед священником Серафимом, и, когда обряд дошёл до своей кульминации, я испытал такое сильное чувство ужаса и, одновременно, радости, какого не испытывал со времён детских страхов и юношеских восторгов.

Обочь колонны стоял дощатый стол, накрытый клеенкой. На столе – керамический кувшин с водой, три пиалы из нержавеющей стали и две общепитовские фаянсовые тарелки. К столу прислонён деревянный щит.

Священник мерно читает по книге молитвы, согласно чину, Сергей стоит босой в самом центре храма на домотканном половичке, понурый, сосредоточенный, в пальцах свеча, в линзах очков отсветы лампад, рядом служка – высоким-высоким голосом вытягивает «Аллилуйя» и «Господи, помилуй!».

И вот, когда священник стал обличать все пороки Сатаны, когда он уже набирал в лёгкие воздух, чтобы трижды дунуть и трижды плюнуть на самое гордое, самое независимое и самое мстительное существо во Вселенной, когда момент презрения и попраiania гордыни почти свершился, и Сергей уже через минуту должен был на вопрошание отца Серафима трижды провозгласить: «Отрицаюсь! Отрицаюсь! Отрицаюсь!», тем самым навеки отрекаясь от Дьявола, – в тот самый момент деревянный щит, прислонённый к столу, закачался, стронулся с места, стол накренился и опрокинулся, кувшин со звоном покатился по полу, вода расплескалась почти к ногам священника, звон железных пиал добавился к общему грохоту, а тарелки просто разлетелись вдребезги. За колонной пронзительно, на высокой-высокой ноте, близкой к ультразвуку, закричал бесноватый...

Волосы у меня натурально зашевелились и встали дыбом. Но на отца Серафима это решительно никакого впечатления не произвело, он лишь на несколько мгновений задержал чтение, глянув на то, как служки вытирают пол и собирают осколки.

Василий уже на крыльце, видя моё смятение, пошутил: «Экий раздражительный бес за Сергеем приглядывал, лишили души, так разгневался, стол пнул на прощание, посуду побил. Не нравится...»

А отрок Вадим добавил, что в храме всё время что-нибудь такое происходит, монастырь – место прифронтовое: «Мы привыкли».

*

Я вспомнил город и всё, что с ним связано, и эхом подумал: «И мы привыкли...»

1995—96 гг., г. Новосибирск

Могота

Роман о любви

Часть первая

Бог создал Сочи, а черт – Могочи.

Поговорка

I

Жил-был Ваня, терпенье храня, —
То свинарник, то силос.
И ему среди белого дня
Богоматерь явилась.
– Брось, Иван, ты своё ремесло,
И извоз, и шабашки,
Поезжай, горемыка, в село,
Что прокисло от бражки,
Будешь строить там крепость мою,
Прозревать год от года,
Милость Сына и силу даю,
Славной будет работа...
Тут Иван уложил инструмент,
Поклонился могилам,
И презрев злотекущий момент,
Душу – набело, с мылом, —
Вымыл. Стронулся, сел на баржу
И поплыл себе с миром
По Оби или по Иртышу,
Вдоль по безднам и дырам.
Что ни пристань, то морок и срам,
Что ни дом, то разруха.
По таким затрапезным углам,
Ох, разгульна житуха!
Но не то всё, не те берега,
Всё терпимо, однако...
Где ж клубится людская тоска
Среди боли и мрака?
Где для муки воздвигнут престол,
Как острог среди ночи?
– Вот то место! – Сказал и сошёл
На причал у Могочи.

II

Здесь болото и лесоповал,
Здесь бараки и зона,

Весь Советский Союз побывал
Здесь во времечко оно.
С крутояра широко видать
Как уходит на Север
Мать Сибири, великая мать —
Обь, сестра Енисея.
Катит серые волны река,
Тащит тучи вдоль гривы,
И вздымает до неба тайга
Свои хвойные нивы.
Бездорожье, безденежье, бес...
Беспробудное пьянство.
За Уралом, возможно, и лес,
Здесь же – дебри пространства.
Лишь «Ракета» скользнёт на Чулым,
Проползут сухогрузы.
Лишь соляры одышливый дым
Сплюнет катер кургузый.
Штабеля, штабеля, штабеля
Деловой древесины.
Поселенцы, бичи, дембеля,
Молдаване, грузины...
Пристань – скопище автомашин,
Рык и мат, и проклятья!
В телогреечке, эх, хороши
Люди все – без изъятья.
И с печатью изжитых времён
Не простилось селенье.
И согласные мёртвых имён
Ропщут лиственной тенью.

III

Тут когда-то был старый паром,
Он таскал через реку
Люд различный с обеих сторон:
То конвой, то телегу
Раскулаченных в зиму крестьян,
То отряд новобранцев,
То чекистов, обутых в сафьян,
Не привыкших мараться.
Жил паромщик один, словно перст,
Годы, войны, изломы...
Тучи зэков из тысячи мест
Протекли мимо дома,
Одинокого дома его.
Ни семьи, ни коровы...
Не согрели, увы, никого
Стены мрачного крова.
Дом стоял высоко на юру,

За оградой дощатой,
Воротами скрипел на ветру,
Как немой провожатый,
Всё-то силился пересказать
Боль и муку ухода.
Из Могочи немного – назад
Воротилось народа.
А паромщик всё правил весло,
Налегал на лебёдку,
Исполняя своё ремесло,
Полагался на водку,
На всегдашнюю водную мощь
Да на волю судьбины
У границы берёзовых рощ
И таёжной равнины.

IV

Много, много воды утекло
С той поры беспросветной.
Заколodилось старое зло.
По дороге бесследной
Вдаль уплыли и эти, и те...
Дом лишь – тёмною ношей —
Устоял на последней версте,
Позабыт-позаброшен.

На юру, у дороги былой,
Где корыто причала
В струпьях ржавчины, рыхлой скалой
Из песка выступало,
Где обрывки канатов, тросов,
Рельсы, блоки бетона,
Где баржи металлический зов,
Наподобие стога,
Дом паромщика, словно приют
Одинокого духа,
Пережил человеческий суд,
Как внучат – повитуха.

V

За бесценок, почти задарма,
Взял подворье художник.
В те поры поднялась кутерьма
Дел и бед невозможных.
Независимость, гласность, права
И свобода нагая.
Змей исчез... Но царит голова —
Что ни день, то другая!
Был Горыныч, а стала семья

Живородных драконов.
Был казак по прозванию Илья,
Стало – племя ОМОНов.

Но художник усадьбу, семью
Ограждал от напасти:
Огород, мастерскую свою,
Инструменты и снасти —
Всё наладил, всё мудро привёл
К доброте и порядку:
Душу – творчеству, друга – за стол,
А соления – в кадку.
Звали Павлом его. А жена —
Наречённая Анна...
Мир и лад, благодать, тишина.
И – в трудах неустанно.
Ледоход или вновь ледостав,
Навигация, зимник, —
Тот же строй, тот же свет на холстах
Золотистый и синий.
Но пока, побеждая тоску,
Павел с миром сражался,
Средь села, на другом берегу
Монастырь подымался.

VI

Год прошёл, и другой пролетел
За работой текущей.
Всё, что выдумал, всё, что хотел,
Только легче и лучше
Выходило у Павла как раз:
То пейзаж, то скульптуры,
То большой и доходный заказ
Для отдела культуры.
Баню выстроил, вывел сарай,
В нём станки и прилада,
Свалка хлама, архаики рай
И подобие склада.
В том сарае нацелился он
Из коряг и металла
Группу «Гибнущий Лаокоон»
Изваять для начала.
Материалы давала река —
Корневища тугие,
Золотые тела топляка,
Бёдра, торсы нагие...
А металл добывал из песка
Возле пристани ржавой:
Рельсы, трубы, обломки крюка,

Кости прежней державы...
И однажды, по милости пса,
Яму рывшего яро,
Вынул бухту стального троса —
Под скалою у яра.
Он распутал колючий клубок,
Подивился находке:
– Это ж надо, удача и рок,
Как два борта у лодки.
Видно, шлёт мне речной Посейдон
Тело змея в подмогу...
Трос забрал, и под крики ворон
Бросил ношу к порогу.

VII

Навигация грузы несла
Вниз и вниз по теченью,
Чтобы Севера снежная мгла
Не теряла свеченья.
Чтобы снова полярный туман
Пронизали радары,
А Студёный ночной океан
В час ледвяного дара
Не замкнул бы под панцирем сна
И посёлки, и вахты...

На реке разгоралась весна,
Солнца беглые такты
Разогрели окрестную даль.
Павел вышел к сараю,
Злыми зубьями взвизгнула сталь,
Дух древесный по маю
Разлился, как из чаши настой.
Закипела работа.
Из хламья, из коряги простой,
Из кузнечного пота,
Из столярных забав и причуд,
Из таланта – всецело! —
Возникал металлический спрут,
Пожирающий Тело...

Гибнущий Лаокоон

Не пророчествуй, не прекословь,
Не глумись над богами, несчастный!
Богохульствуй, имея любовь,
А не можешь, у жизни напрасной
Не проси воздаяний за то,
Что способен предвидеть события.
Сила знания – лишь решето,

Ты вовек обречён на пролитье!
Дар отнимется, Жизнь утечёт
Сквозь пустоты, что непостижимы.
Троя вечная всё же падёт...
Чёрный снег... погребальные дымы...
Думал Павел, из трупов дерев
Вырезая фрагменты и части.
И пророк, словно гибнущий лев,
Проявлялся из морока страсти,
Из гривастых кудрей корневищ,
Из витых древомышечных складок,
Гол, покинут и верою нищ —
Тщетной гордости горький остаток.
Шёл монтаж. И в горниле культур,
В пекле страха, мольбы и протеста
Откликался то скорбный Сидур,
То титаны бездомного Эрнста.
Безысходного рока тавро
Сквозь изгибы, изломы и стыки
Проступало, как карты Таро —
Сквозь живые и нежные лики.
И когда, весь металлом прошит,
На болтах, на шарнирах, на скрепах,
Встал троянец, лишённый души,
Понял Павел – болезненный слепок

Он отторг от себя навсегда,
Он избавился от наважденья,
Окончанье большого труда
Стало знаком иного рожденья.
Оставалось лишь кольца троса
Размотать, на фигуру набросить...
А пророк всё смотрел в небеса
С выраженьем немого вопроса.

VIII

Но ещё инструмент не остыл,
Как со службы армейской
Прибыл братец меньшей, Михаил,
Снайпер роты гвардейской.
Он приехал из южных краёв,
Воин волей Закона.
Там в одном из крошечных боёв
Дева-Радость, икона,
Появилась в разбитом дому,
Среди праха и дыма.
Повинуясь знамению тому,
Миша неумолимо,
Словно движим по нити златой

В пекле бойни без правил,
Покрестился и, как за чертой,
Кровь и смерти оставил.
Он ещё воевал, убивал,
Но, в наитии Девы,
Он уже одолел перевал
Злобы, мести и гнева.
А когда увольнялся в запас,
Брат в письме, между делом,
Сообщил, что Могоча сейчас
Стала Божьим приделом,
Что какой-то отец Иоанн,
Пастырь горького люда,
Весь в трудах – и талант ему дан!
Ибо из ниоткуда
Возникают и кельи, и храм,
Стены крепости мощной.
И бредут ко смиренным вратам
Люди дённо и ночью.

IX

– Здравствуй, Павел, такие дела,
Всё-то борешься с Богом?..
Принимай, брат, калеку-орла!
Службе – крышка. Итогом
Станет новая служба. Пойдём
От твоих прометеев,
Лакоонов – к хозяйшке в дом.
Душу, что ль, отогреем...
Сели братья за тёсанный стол,
К ним, как лёгкая смута,
На ходу поправляя подол,
Вышла Анна, Анюта.
Взмахом древним простор отворя,
Льна прохладную скатерть
Расстелила, как холст января...
Снег рассветный на паперть
Так ложится, а храм золотит
Его чистые струи.
Тихо. Брат против брата сидит.
Не обмолвятся всуе...
Анна ловко, бесшумно снуёт,
Смотрит быстро и чутко,
Тень улыбки сокрыть не даёт
Её мысли и чувства.
Гостю рада, как рада вода
Родниковая литься.
И горда. И лихая беда
Здесь навряд поселится.

Х

Нам ли, русским, в пороке коснеть?
Лучше водочки выпить!
Вдоль по скатерти царская снедь,
Как посольство в Египет,
Едет... Катит лиловый кочан
Весь в свекольном рассоле,
Перец – как капюшон палача,
Сельдь – в зелёном камзоле.
Огурцы подбоченились в ряд,
Трутся с чувственным скрыпом,
Стоп-сигналы томатов горят,
А к разрезанным рыбам —
Маслом sprysnuta, свежая горсть
Ароматного лука...
Пьёт хозяин, отвечает гость.
Нам же – зависть и мука.
Томным холодом светит фарфор,
И, повадкою князей,
Оживляет мужской разговор
Жар ушицы стерляжей.
Под неё – по второй и, ага,
По четвёртой и пятой...
Нету в мире роднее врага,
Ближе нет супостата!
И когда потеплели глаза
От любви и покоя,
Михаил кое-что рассказал.
Кое-что... кое-кое...

XI

Смерть для всякого – вроде отца:
Бойсь и не попадайся.
А война для добра молодца —
Точно рис для китайца.
Но всему наступает предел:
Пресыщение крови
Или кровью... Ты цел пока цел,
И здоров во здоровье.
Кто, когда написал «Валерик»?
Михаил? Да, поручик.
Как находит язык на язык
В катастрофе падучей.
В этой грозной, угрюмой резне
Нет ни умных, ни правых.
Но приходят, приходят во сне
Тени воинов безглавых,
Включь изодранных минным огнём,

Обгорелых, безносых,
Об отмщении – лишь об одном —
Их немые вопросы.
Почему, для чего, для кого
Они в муках казимы?
Может призрак Врага Самого
Взмыл из бездны за ними?
Два языка, два мира, две тьмы
Захлестнулись и рвутся...
– Зарекаться суммы и тюрьмы,
Но в безумье уткнуться
Суждено, видно, нашей душе?..
Миша выпил понуро.

– Поздно, братец мой, поздно уже.
Опоздала скульптура!

XII

Не спадай раньше срока с лица.
Расскажу: в нашей роте
Службу мыкали два близнеца,
Кержаки по породе.
Как-то «духи» вдоль минных заград
Для заправки пустили
Дочь свою же... Такой вот парад!
Жизнь и смерть – или-или...
Та идёт, ни жива, ни мертва,
Очи – карие сливы,
Вбок косит и ступает едва,
Озираясь пугливо.
Ждём – иль наша растяжка рванёт,
Или их... Замирает
Всё в груди. И гнилой оборот
Дело в миг принимает.
Наш близнец по прозванью Верста
Не сдержался, скаженный,
Встал по грудь над стеной блок-поста
И орёт, как блаженный:
Мол, куда, растаку мать, идёшь?!
Дура, жить надоело!
Дуй назад, пропадёшь ни за грош!..
Чья-то прорезь прицела
В этот миг изловила его,
Грянул медленный выстрел,
Он рукою взмахнул и... того,
Будто рюмочку выпил,
Рухнул навзничь...
С дырой между глаз...
Прямо под ноги брата.

Вот такой невесёлый рассказ,
Но суровой – расплата.
Брата брат и омыл, и одел,
И во гроб упокоил,
И отправил в родимый предел
Груз и горе лихое.
Он, живой, словно тоже погиб,
Словно что-то сломилось:
То замрёт, не надев сапоги,
То вдруг выронит мыло,
И глядит непонятно куда.
А когда оклемался,
То в глазах – как со снегом вода,
Ледовитая масса.

Близнеца меж собой стали мы
Называть – Половинкой.
Замкнут, сгорблен под ношею тьмы,
Всё поигрывал финкой,
И, в оптический глядя прицел,
Всё высматривал «духов».
Страшно, Павел, ты цел – пока цел.
Чуть ослаб, и – разруха.
Неделимы мы. Нет половин
У любви и у веры.
Воин во поле проклят, один, —
Рыцарь, гордый без меры.
Вскоре выслали в тыл близнеца,
Он, как пёс одержимый,
Убивал, убивал без конца,
С равнодушьем машины.
Ждал часами единственный миг —
Гулкий щёлк перепонок...
И не важно – девица, старик
Или даже ребёнок.

На бесчестье ответим враждой,
Местью – на вероломство?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.